
К ЮБИЛЕЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-6-13

УДК 316(045)

К 60-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОЦИОЛОГОВ И К 23-ЛЕТИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ В ФИНАНСОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Силласте Галина Георгиевна,

*д-р филос. наук, научный руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология», Москва, Россия
galinasillaste@yandex.ru*

Аннотация. Социология изучает общество, закономерности социальных действий и массового поведения людей, а также отношения между личностью и обществом. Обладая сложным научным инструментом, она может себе позволить все измерить, а, получив эти замеры, оперировать фактами, вступая в споры и дискуссии, объясняя сложное просто и всем понятно. В статье автор пытается так же поступить с понятием «гендер», которое вызывает разные чувства и комментарии. У кого-то оно вызывает раздражение, у кого-то – вопросы и недоумение, у кого-то неподдельный интерес. Маленькое слово – и столько эмоций... Кто-то говорит, что это «социальный пол», а кто-то просто – «пол». Отчего и откуда эти страсти, вопросы, споры и интерес? Видимо, пришло время внести некоторую ясность в историю появления и развития этого понятия.

Ключевые слова: гендер; пол; гендерная социология; социологические исследования

FOR THE 60TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN SOCIETY OF SOCIOLOGISTS AND THE 23RD ANNIVERSARY OF TEACHING SOCIOLOGY AT FINANCIAL UNIVERSITY

Galina G. Sillaste,

*Doctor of Philosophy, Scientific chairwoman of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University; Head of the scientific school “Gender and economic sociology”, Moscow, Russia
galinasillaste@yandex.ru*

Abstract. Sociology studies society, patterns of social actions and mass behaviour of people, as well as the relationship between the individual and society. Sociology, having a complex of scientific tools, can afford to measure everything, and, having received these measurements, operate with facts, entering into disputes and discussions, explaining the complexity of phenomenon in a simple manner and clarity for everyone. In the article, the author tries to do the same with the concept of “gender”, which causes different feelings and comments. Someone is irritating, someone has questions or is confused, someone has a genuine interest. A small word – and so many emotions... Someone says that it is “social gender”, and someone simply says – “gender”. Why and where these passions, questions, disputes and interest? It seems to me time arrived to bring some clarity to the history of the emergence and development of this concept.

Keywords: gender; gender sociology; sociological research

«ГЕНДЕР» В СССР

Часто считают, что понятие «гендер» пришло к нам из английского языка. Это не совсем так. Если быть научно корректным, то надо признать, что это понятие пришло в научный обиход англоязычных стран из Древней Греции, где означало «происхождение, род, рождающийся».

Так сложилось, что мне пришлось стоять у истоков вхождения этого понятия в лексику современной российской социологии. А «жизнь у источника» позволяет не умничать в абстрактных рассуждениях, а обратиться к истории непростых дискуссий, итогом которых явилось становление и институционализация нового направления социологического знания — гендерной социологии.

Будучи последовательным приверженцем принципов историзма и теории модусов социального времени, я постараюсь, опираясь на них, ответить на вопросы: каковы источники развития этого направления? был ли «гендер» в советской социологии? на какой базе институционально закрепились в современной российской социологии относительно новое направление — гендерная социология?

Согласно теории социального времени любой социальный процесс рассматривается логично и последовательно в трех модусах времени: прошлого, настоящего и будущего. Я акцентируюсь, прежде всего, **на модусе прошлого социального времени.**

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИВАЯ ПОЛИТИКА: «БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ»

Я пришла в социологию в 1978 г. Эстония. Таллинн. Аппарат ЦК Компартии Эстонии. После долгих поисков интересной науки, которой хотелось бы отдать свои знания и опыт, я, получив к тому времени уже два высших образования (инженера и патентоведа, не считая третьего — политического), приняла решение поступать в аспирантуру Института социологических исследований АН СССР (ИСИ АН СССР). КПСС не приветствовала обучение работников партаппарата (тем паче — центрального) в «аспирантурах», да еще и в Москве. Тем не менее, не афишируя своего решения, я поступила в целевую аспирантуру ИСИ АН СССР и, объявив постфактум об этом своему партийному начальству, стала подбирать тему диссертации.

Отмечу, что в тот период времени социология в Прибалтике, и в Эстонии в частности, была

очень хорошо развита. Эстонская социологическая школа, представителем которой я являюсь, пользовалась научным признанием в социологическом сообществе СССР. Достаточно напомнить, что восстановление и легализация социологии как науки в СССР в 60-х гг. после 30-летнего забвения и попыток ее искоренения из арсенала «настоящих наук» начались со встречи советских социологов в 1964 г. в небольшом эстонском городке в окрестностях Тарту — Кяэрику. Надо сказать, что «компания» у социологии была достойная: кибернетика и генетика. Все три науки были признаны в 30–50-х гг. «буржуазными», «вредными», «подрывающими идейное и политическое единство партии и народа», короче — лженауками. Поэтому встреча в эстонском Кяэрику небольшой группы «прошлых социологов» — смелых единомышленников из Москвы, Ленинграда и Новосибирска — придала науке долгожданный импульс возрождения. Магнетизм социологии, сохранявшийся среди немногочисленных ее сторонников, попав в благоприятную атмосферу свободомыслящей (по сравнению с другими советскими республиками) Эстонии, отличавшейся более демократическими нормами жизни и быстро реагировавшей на разнообразные новации от моды до науки, способствовал их профессиональному сплочению.

В Эстонии поддерживались социологические исследования, была сложившаяся научная школа на базе факультета журналистики одного из старейших вузов — Тартуского государственного университета. Позже к нему добавился отдел социологических исследований в Институте философии АН ЭССР под руководством доктора философских наук, профессора Микка Титма, одного из первых в Эстонии профессиональных социологов, ставшего председателем Прибалтийского отделения Советской социологической ассоциации (ССА). Имело место и лояльное отношение политического руководства республики к социологическим исследованиям, активно и внимательно использовавшего результаты проводимых в Эстонии социологических опросов.

Иногда спрашивают: почему в Эстонии отношение к социологии было иное, более демократичное и заинтересованное? Тому есть ряд объяснений. Прежде всего, объективные. Это была самая западная точка СССР, дальше — только Балтийское море и Скандинавия: Финляндия (куда мы добирались на пароме за 3 часа, предварительно оформив визы), Шве-

ция (с ее «социалистическим капитализмом»), подальше — Норвегия (с самым высоким уровнем жизни). Иначе говоря, республика была «на передовой линии с идеологическим противником». Добавьте свободный доступ информации с финского ТВ (довольно близкого к эстонскому) и западных радио. А еще большое количество западных (особенно скандинавских) туристов. Все это требовало от политического руководства республики «держат ухом востро», отслеживать трансляцию и ретрансляцию зарубежной информации, ее потоки, целевые аудитории, отношение к ней внутри республики. Это создавало идейно-политические и морально-нравственные проблемы, высветить которые изнутри была способна только социологическая наука, измеряя пульсацию этой информации в сознании и настроениях населения и «считывая» ее по поведению, прежде всего, эстонской молодежи и интеллигенции [1].

Именно — наука. Не доморощенные опросы энтузиастов, а профессионализм, приоритет научного подхода и гибкий контроль со стороны партийного руководства республики. Была в ЦКПЭ создана и Комиссия по изучению общественного мнения, имевшая весьма широкие полномочия.

Вся жизнь республики, где я родилась, сама атмосфера, работа в ЦК Компартии Эстонии быстро определили выбор темы диссертационного исследования: «Общественное мнение молодежи Эстонии». Выбор был поддержан моим научным руководителем, в то время — директором Института СИ, профессором (ныне членом-корреспондентом РАН РФ) Виленом Николаевичем Ивановым, несмотря на скепсис ряда московских коллег. Так началась моя двойная жизнь: в политике и в социологической науке.

Нетерпеливый читатель может спросить: причем здесь история гендера в России и социология в Эстонии?

Социологические исследования — это социальная картина общества, нарисованная не одной, а множеством красок и оттенков. В социологических исследованиях, проводимых в национальных республиках, всегда выше, чем в однородной национальной среде, чувствительность к трем социальным показателям (как признакам среды):

- владение национальным языком;
- признак пола (в нем концентрируется влияние национальной культуры, обычаев, традиций, определяющих и различающих модели

поведения мужчин и женщин, их социальные роли);

- возраст (универсальный признак, отражающий поколенческие особенности, а значит, влияние национальной истории на современный облик молодежи).

В любой республике признак пола как социально-демографический показатель всегда оказывал и оказывает сильное влияние на результаты социологического исследования. Поэтому традиционно учет этого признака как социально-индикатора различий имеет важное значение для получения социального портрета общества и его гендерных общностей как субъектов действия и развития.

РАЗВИВАЛАСЬ ЛИ В СССР ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ?

Эпитета «гендерная» не было. Но исследования положения женщин, семьи, социальных ролей женщин и мужчин, видов социальной активности и поведения (особенно — трудового) проводились очень широко. Выпускались небольшие статистические сборники «Женщины в СССР», которые сегодняшним языком можно назвать гендерной статистикой. Исследования влияния женщин на развитие советского общества сосредотачивались в нескольких областях научного знания: социологии, демографии, педагогике, психологии, истории. Женских журналов с прекрасным социальным содержанием было много. Ведущие среди них: «Советская женщина», «Работница» и «Крестьянка», выходявшие миллионными тиражами и пользовавшиеся огромным спросом среди советских женщин. Смешно слышать, когда говорят, что гендерных исследований в СССР не было. Не было слова «гендерные», но исследования положения женщин в СССР были всегда. Изучались женщины городские и сельские, женщины на работе и дома, а активные исследования в области социологии семьи дополняли эту тематику. Можно вспомнить работы А. Г. Харчева, С. И. Голлода, А. Панкратовой, И. С. Кона. Но работы того времени концентрировались в основном в двух социальных направлениях: семья и производство, т. е. труд.

Слово «гендер» как категория впервые зазвучало в СССР в последние годы его существования — в 1989–1990-х гг. Предыстория появления следующая. 1989 г. Перестройка шла полным ходом: демократия, выборы руководителей, их

смена и замена путем простого голосования коллектива. Упразднились идеологические отделы в республиканских и областных партийных органах.

После защиты докторской диссертации решением ЦК КПСС в ноябре 1988 г. меня перевели на работу в Академию общественных наук на кафедру к уважаемому профессору А.К. Уледову, а затем я стала заместителем заведующего кафедрой социологии профессора Ж.Т. Тощенко. Спустя некоторое время меня вызвал к себе ректор АОН, профессор Рудольф Григорьевич Яновский и предложил «оставить в покое» межнациональную тематику (которой я занималась много лет в Эстонии) и «серьезно заняться женщинами», женской тематикой. Прекрасно помню свою первую реакцию: «А что здесь изучать? Тут все и так всё знают». Шла перестройка, началась демократизация, страстное почитание общечеловеческих ценностей, и женщины как активная социальная сила стали все больше привлекать внимание руководства ЦК КПСС и его Генерального секретаря — Михаила Сергеевича Горбачева.

Я понимала, что просто так приглашать молодого доктора наук с предложением сменить научную специализацию ректор Академии общественных наук не станет. За этим должна крыться реакция на происходящие в обществе и в партии перемены. Попросила у ректора таймаут для раздумий и после обсуждения вопроса на «семейном научном совете» и рекомендации супруга (Заслуженного деятеля науки РФ, опытного дипломата и историка, профессора Ю.В. Борисова) «не торопиться с отказом», села за анализ литературы и персоналий.

Слово «гендер» еще не витало даже в научной атмосфере, хотя туманно просачивалось из некоторых зарубежных (в основном англоязычных) работ. Однако социологические исследования велись в стране очень активно. Начался второй ренессанс в отечественной социологии: вводились новые объекты исследований, значительно расширилась предметная область социологического анализа. В первом изданном в СССР в 1989 г. словаре по социологии* институционально было закреплено понятие «социология пола». Не будет лишним его напомнить: «Социология пола — область

социологии, изучающая закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, полового разделения труда, культурные символы и социально-психологические стереотипы „мужественности“ (маскулинности) и „женственности“ (феминности) и их влияние на различные аспекты социального поведения, общественной жизни». Более того, там же отмечалось, что «еще К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что эти различия (в психике и поведении мужчин и женщин) зависят от сложной совокупности социально-экономических и культурно-идеологических факторов, требующих конкретного исследования».

Мотивация для освоения нового направления окончательно сложилась после того, как в социологической отечественной литературе я не обнаружила ни одного социологического исследования, где бы женщины или их общественное мнение рассматривались в качестве самостоятельного субъекта действий и политики. А ведь женщины составляли большинство населения СССР (53% в 1990 г.), как и во многих других странах.

Должна отметить, что признак пола всегда присутствовал (и присутствует) в социологических анкетных паспортчиках. Но это не означало, что гендерные массивы выделялись по признаку пола и анализировались в качестве самостоятельных объектов социологических исследований, — только как сравнительный фон-пейзаж: «женщины по сравнению с мужчинами». Более того, считалось, что самостоятельные массивы выделять нельзя, так как необходимы социологические итоги, характеристика позиций всего населения без каких-либо (говоря современным языком) «гендерных» нюансов и последствий. Такая ситуация в исследовательской практике окончательно определила мой выбор.

Однако свое согласие на научную перекавалификацию я оговорила одним принципиальным условием: разрешением на проведение масштабного всесоюзного социологического исследования общественного мнения женщин по вопросам перестройки и демократизации советского общества конца 80-х гг., исследовательских аналогов которому не было. Была получена поддержка ректора, и создан многонациональный исследовательский коллектив «Женщины и демократизация». В него вошли аспиранты и докторанты АОН — исследователи из ряда советских городов, а также из Чехословакии, Литвы, Латвии, Болгарии, Казахстана. К началу 1990 г. исследование было завершено.

* Краткий словарь по социологии. Гвишиани Д. М., Лапин Н. И., ред. М.: Политиздат; 1988. 479 с.

ГЕНДЕР НАСТУПАЕТ

События в стране развивались стремительно. В 1989 г. в ЦК КПСС, спустя 60 лет, по предложению М. С. Горбачева в партии восстанавливается должность секретаря ЦК по работе с женщинами. Им стала Галина Владимировна Семенова, хорошо известная в мире журналистики: главный редактор журнала «Работница» (имевшего миллионный тираж в СССР), кандидат философских наук. Так, в конце 80-х гг. в составе Политбюро ЦК КПСС появилась единственная женщина. Это придало ускорение развитию всего женского перестроечного движения: появились женские организации и общественные движения: активные, разноплановые, инициативные и самостоятельные. Избрание меня на Пленуме ЦК КПСС советником ЦК КПСС по вопросам женщин и демографии сыграло существенную роль в продвижении идей, сложившихся на базе итогов проведенного исследования. О значении выводов исследования, полученных в нем эмпирических данных, отношении к ним высшего политического руководства партии говорят лишь несколько из многочисленных фактов: презентация итогов исследования в АОН с участием секретаря ЦК КПСС, трансляция сюжетов мероприятия на 1 канале телевидения, десятки публикаций в центральных газетах и журналах, приглашение на Секретариат ЦК КПСС с выступлением по итогам исследования, публикация этих материалов в «Известиях ЦК КПСС» — авторитетнейшем в то время издании [2]. Сомнений не оставалось: это было «попадание в десятку».

Как исследователь я была удовлетворена результатом перехода на новую тематику. Риск преобразовался в позитивный и перспективный шанс развить новое направление в отечественной социологии. Идея приобрела траекторию реального развития в марте 1990 г., когда ЮНЕСКО обратилось к руководству страны с предложением провести в Москве международную конференцию по гендерным исследованиям, чего раньше в СССР никогда не было. Помню общее политическое и научное замешательство после предложения ЮНЕСКО. Как советника ЦК КПСС меня попросили разобраться с тем, что это такое: гендерные исследования и стоит ли принимать поступившее приглашение. С чем советская сторона может выйти на такой международный форум, есть ли у нас исследования для подобного мероприятия? Срок для ответа был дан короткий. Я снова засела за книги.

Итак, «гендер» в переводе с английского — пол, род, происхождение. Однако слово интерпретируется зарубежными исследователями как «социальный пол». Синоним в русском языке — «пол». Но в русской и советской социологии категория «пол» никогда не рассматривалась как сугубо биологическая характеристика личности, так как исторически является социально насыщенной категорией, элементом социально-демографической структуры общества по признаку пола. Тогда откуда «гендер»?

От адекватности, совпадения перевода. Как на английском языке пишется признак «пол» в любом документе? — “Sex”. Сексуальные отношения партнеров — это тоже “sex”. Естественно, в англоязычной терминологии возникла необходимость разделить категории «пол» (“sex”) как социальный признак личности и «пол» (“sex”) как технологию интимных отношений с партнером. Так западные ученые выделили отличительную категорию между двумя значениями одного слова “sex”: «гендер», что означает «социальный пол». Для западной социологии и социологии, это, конечно, актуально. Для отечественной науки, опирающейся на литературное богатство великого русского языка, обладающего тонким многообразием оттенков и нюансов выражения мыслей и социальных характеристик, такой проблемы не стояло. В русском языке никогда не отождествлялись, не путались (и не путаются) понятия «пол» и «секс» как по написанию, так и по смыслу (чего не скажешь про англоязычную литературу). Поэтому принципиальных научных споров, доказательств острой потребности разделения категорий «пол» как биологической (физиологической) и социальной характеристик в отечественной социологии и в научной литературе не возникало. Проведенное масштабное исследование «Женщины и демократизация» стопроцентно вписывалось в концепт гендерных исследований (исследование положения женщин как одной из гендерных общностей, самостоятельного субъекта политики).

Ответы на поставленные вопросы были найдены. Согласие ЦК КПСС принять в Москве международную конференцию — получено. Местом проведения была определена Академия общественных наук. Секретарю ЦК КПСС по вопросам женщин и демографии Г. Семеновой было поручено сделать политический доклад; а мне — научный доклад «Общественное мнение женщин как субъекта политики», представив

в качестве примера развития гендерных исследований социологический проект «Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам» [3, 4].

Конференция прошла с большим успехом, доклады зарубежных гостей были опубликованы в журнале «Социологические исследования». Советская сторона неожиданно для многих удивила своих западных коллег-исследовательниц: американку, француженку и канадку. Как выяснилось, от нас такого масштабного анализа гендерных исследований не ожидали. А конференция заняла особое место в развитии отечественной научной школы гендерной социологии.

Стало очевидным, что будут формироваться два сегмента исследований: *гендерные* (как микроисследования в малых группах, преимущественно с применением качественных методов) и *социогендерные* (как макроисследования среди больших гендерных общностей с применением количественных методов социологического анализа и исследования). Первый сегмент, скорее всего, будет формироваться на базе исследований преимущественно теоретико-философского, культурологического направлений, в большей мере сторонников западных подходов к «гендеру» как к социальному полу. Второй сегмент больше будет концентрировать социологов, непосредственно связанных с изучением макропроцессов социальной реальности, «заземленных» на исследованиях социальной пульсации изменяющегося российского общества и обладающих конкретной доказательной эмпирической базой. На этом в большей мере будет формироваться отечественная гендерная социология. Забегая вперед, отмечу: жизнь полностью подтвердила этот прогноз.

КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА ПОНЯТИЯ

Сильнейшее ускорение и упорядоченность процессу становления нового научного направления придало крупнейшее политическое событие конца XX в.: Всемирная конференция по положению женщин, прошедшая в Пекине в сентябре 1995 г., в которой участвовали представители 196 стран. Как член правительственной делегации РФ, непосредственный участник сессий и обсуждений документов пекинской встречи могу с уверенностью сказать: не столько достижения ученых (философов и социологов), сколько принятая на Форуме Пекинская декларация и Доклад по

положению женщин в мире как итоговый международный документ ООН определили весь стартовый понятийный аппарат современной гендерной социологии. Это совершенно нестандартная ситуация для научного продвижения нового направления.

В пекинской документах был предложен базовый понятийный аппарат гендерной теории — с одной стороны, а с другой — огромное социальное разнообразие направлений ее практического применения. Это был в полном смысле слова подарок со стороны большой политики всем исследователям в области гендера [5].

В этом контексте особенно показателен один конфликт, возникший на итоговом заседании Форума в связи с использованием в итоговом документе слова «гендер» вместо всем понятного слова «пол». Возникла беспрецедентная ситуация: ряд стран (в первых рядах был Ватикан) отказались подписывать документ, в котором на каждой странице по нескольку раз в самых разных научных сочетаниях мелькало слово «гендер»: «гендерные исследования», «гендерное равноправие», «гендерная политика», «гендерный баланс», «гендерная диспропорция», «гендерная идентификация», «гендерные барьеры», «гендерная дискриминация» и др. Представители правительственных делегаций просто не могли понять: почему в Докладе нет понятия «женщины», а на каждой странице многократно употребляется слово «гендер» в разных модификациях. Собирались экспертные группы, шли дебаты. Раскол по оси «гендер» казался непреодолимым. Чтобы вернуть дебаты в конструктивное русло, была принята специальная резолюция с разъяснением применения категории «гендер» в итоговом документе Форума.

Вот выдержка из этого документа: «...использовать категорию „гендер“ в общепринятом значении — пол, род, происхождение». После этого декларация, наконец, была принята всеми государствами — участниками Форума. Понятийный аппарат гендерной теории, введенный в документы пекинской встречи, стал основой гендерного глоссария для науки и практики. Так я получила последний аргумент в пользу разработки гендерной социологии как частной социологической теории.

Итог моей многолетней последовательной работы лег в институционализацию категории «гендерная социология» в российской социологической науке посредством введения по-

нения в «Социологической энциклопедии» [6, с. 518–521]. Согласно приведенному авторскому определению, гендерная социология (от греч. происхождение, род, рождающийся) — отрасль социологии и частная социологическая теория, изучающая закономерности развития и социального взаимодействия гендерных общностей (мужской и женской) во всех сферах общественной жизни, эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом влияния культурных традиций, символов и стереотипов, а также биопсихологических особенностей пола на поведение и сознание гендерных социумов». «Предмет гендерной социологии — социальные статусы мужчин и женщин, их эволюция под влиянием конкретных условий (исторических, политических, социальных, духовных)». «Объект гендерной социологии — мужчины и женщины как крупные социально-демографические общности, различающиеся социальным статусом и ролевыми функциями, особенностями психологического склада, поведения и сознания» [6, с. 519]. Основы этого направления в советской социологии были заложены в 70-х гг. на базе развития социологии пола.

Надо заметить, что гендерные исследования проводились в СССР еще в 20-е гг. (хотя как таковое понятие «гендерные» в тот период не использовалось). В основу советской концепции социологии пола было заложено известное идеологическое положение, согласно которому «женский вопрос» в том виде, в каком он достался нам от капитализма, в СССР решен окончательно» [7]. Женская эмансипация стала показателем достижения принципа гендерного равноправия.

Чем различаются гендерная социология эпохи рыночной экономики и советский концепт социологии пола? Я не согласна с мнением некоторых современных российских исследователей о, якобы, отсталости отечественной социальной, гуманитарной, социологической науки от западной гендерной отрасли. Кстати, категория «гендерная социология» на западе в тот период времени вообще не использовалась. И российский концепт стал, по существу, одним из первых институционально прописанных. Конференция Юнеско (1990 г.) по гендерным исследованиям, затем Пекинская Всемирная конференция по положению женщин (1995 г.) стали своего рода реперными точками в развитии гендерной социологии и гендерного направления в России, способствовали широкой популяризации и легализа-

ции понятия «гендер», «гендерные исследования» для научного профессионально-тематического самоопределения многих исследователей (в том числе и моего).

Как исследователь я проверила в ходе конференций и научных дискуссий с зарубежными коллегами ряд новых рабочих гипотез относительно интеграции женщин как социально-демографической (а говоря современной терминологией — гендерной) общности в социальные процессы и отношения в эпоху перемен, экономических трансформаций, изложив их в 2012 г. в большой монографии «Гендерная социология и российская реальность», ставшей своего рода онтологией развития рыночной экономики в России в гендерном измерении [8]. Для меня стал очевидным ряд научно-аксиоматических положений:

1. Гендерная социология в России обладает научной преемственностью развития и опирается на методологические принципы социологии пола как частной социологической теории. Однако, в отличие от нее, изучает в качестве равноправных объект-субъектов обе гендерные общности: и мужскую и женскую. Вместе с тем традиционно основной акцент в социологических исследованиях делается на изменениях социального статуса и ролевых функций женщин. Однако протекающая в социальной реальности институционализация отцовства как социального института будет ускорять исследовательский интерес к изучению мужской гендерной общности.

2. Парадигма изучения женщин как самой крупной гендерной общности в социальной структуре российского общества и в масштабах мировой системы строится на признании особенностей ее эволюции и ее базовых ценностей в зависимости от степени социальной интеграции в этот процесс двух системообразующих гендерных общностей: женской и мужской.

3. Эволюция общества, трансформация его социальной структуры и отношений повышают гендерную чувствительность процессов, влияние социально-психологических, социально-ролевых и социокультурных особенностей гендерных общностей; влекут за собой развитие новых направлений и подходов к изучению общества как макросистемы с глубокими страновыми национальными различиями, но при сохранении общих для этих общностей социальных и общечеловеческих ценностей, сближающих гендерные процессы в разных страновых социумах.

В МОДУСЕ НАСТОЯЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

К началу третьего тысячелетия гендерные исследования как инструмент гендерной социологии значительно расширились и обогатились. В России развиваются несколько гендерных направлений. Сильно выросла и окрепла сфера гендерной социологии, институционально оформленной в 2003 г. Признанием обладает научная школа «Гендерная и экономическая социология» на базе Финансового университета при Правительстве РФ, имеющая свои филиалы, научные площадки и последователей в ряде крупных российских университетов: Санкт-Петербургском, Южном Федеральном, Волгоградском [9]. Научная школа в будущем году будет проводить юбилейную

XX Гендерную научно-практическую конференцию, посвященную актуальным проблемам гендерного равноправия и гендерным ресурсам развития социального потенциала рыночной экономики.

В Финансовом университете, в других российских вузах введены гендерные дисциплины (гендерная социология, гендерная экономика, феминизация бедности, гендерная геронтология и пр.). В Санкт-Петербургском государственном университете введена магистерская программа «Гендерные исследования».

Но это уже предмет отдельного разговора о развитии гендерной социологии и ее первоосновы — социологии пола — в модусе настоящего и будущего социального времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте Г. Мысли и дела молодежи. Таллин: Ээсти Раамат; 1985. 135 с.
2. Силласте Г. Женщины и политика. *Известия ЦК КПСС*. 1991;(1):66–69.
3. Силласте Г. Общественное мнение женщин в условиях политического плюрализма. Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (Результаты социологического исследования). М.: АОН; 1991. 78 с.
4. Силласте Г. Исследование общественного мнения женщин: концепция состояние перспективы. В кн. Демократия без женщин — не демократия. Социологические очерки. М.: Дипакакадемия МИД; 1991. 238 с.
5. Силласте Г. Гендерная социология: от научных поисков и споров к научной школе. Ростов н/Д: Фонд науки и образования; 2016. 79 с.
6. Силласте Г. Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль; 2003. С. 518–521.
7. Силласте Г. Социолог об итогах IV Всемирной конференции по положению женщин. М.: Знание; 1996. 92 с.
8. Силласте Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Инфра-М; 2012. 680 с.

REFERENCES

1. Sillaste G. Thoughts and actions of young people. Tallin: Eesti Raamat; 1985. 135 p. (In Russ.).
2. Sillaste G. Women and politics. *Izvestiya TsK KPSS*. 1991;(1):66–69. (In Russ.).
3. Sillaste G. Public opinion of women in the context of political pluralism. In: Women and democratisation: public opinion of women on topical socio-political issues (Results of sociological research). Moscow: AON; 1991. 78 p. (In Russ.).
4. Sillaste G. Research on women's public opinion: the concept of the state of perspective. In the book. Democracy without women is not a democracy. Sociological Essays. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs; 1991. 238 p. (In Russ.).
5. Sillaste G. Gender sociology: From scientific research and disputes to scientific school. Rostov na Donu: Fond nauki i obrazovaniya; 2016. 79 p. (In Russ.).
6. Sillaste G. Sociological encyclopedia. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 2003:518–521. (In Russ.).
7. Sillaste G. Sociologist on the outcome of the IV world conference on women. Moscow: Znanie; 1996. 92 p. (In Russ.).
8. Sillaste G. Gender sociology and the Russian reality. Moscow: Infra-M; 2012. 680 p. (In Russ.).